

Первенство как политический институт¹

Восемнадцатого ноября, в день избрания святителя Тихона на Патриарший престол, свой 30-летний юбилей празднует Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет — крупнейшее учебное заведение Русской Православной Церкви. За тридцать лет университет закончили более пятнадцати тысяч человек. Среди них 16 архиереев, более 1000 священников и 150 монашествующих. ПСТГУ также является крупнейшим церковным научным центром, в котором трудятся член-корреспондент РАН, два члена-корреспондента РАН, 45 докторов наук и 203 кандидата наук. В Свято-Тихоновском университете преподают и занимаются наукой первый кандидат теологии в России протоиерей Павел Хондзинский, первый доктор теологии протоиерей Олег Давыденков и первая в России женщина — доктор церковной истории профессор Наталья Юрьевна Сухова.

Статья кандидата исторических наук, доцента кафедры систематического богословия и патрологии богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, заведующего лабораторией исследований церковных институций священника Павла Ермилова посвящена генезису одного из актуальных в православном богословии вопросов — о первенстве в Церкви.

Представление о богоустановленности первенства в Церкви

Характерной чертой современных высказываний по теме первенства в Церкви является

отсутствие интереса к истории вхождения самого этого понятия в церковный лексикон. Первенство воспринимается как не нуждающийся в определении общий принцип, лежащий в основе иерархических отношений и предполага-

Фрагмент
фрески «Взятие
Константинополя».
Благовещенская
церковь монастыря
Молдовица,
Румыния

ющий главенствующую фигуру во главе любой иерархии. К примеру, в Кьетском документе Совместной православно-католической комиссии по богословскому диалогу говорится, что «понятие первенства обозначает обладание первым местом». Считается, что в Церкви данный принцип изначально реализовался в фигуре предстоятеля на евхаристическом собрании, на основании чего впоследствии возник так называемый монархический епископат, а еще позже, по мере усложнения церковной структуры, развился и институт первых епископов. Невнимание к истории понятия первенства и сведение его лишь к председательству логичным образом ведет к декларированию его богоустановленности в Церкви, поскольку очевидно, что председательство, а вовсе не первенство укоренено в первосвященническом служении Христа и заложено в природе евхаристического священнодействия.

Для многих современных авторов тезис о богоустановленности первенства в Церкви является важным элементом разрабатываемых ими экклезиологических концепций, поскольку из этого тезиса они выводят необходимость первенства и первого епископа на всех уровнях церковной структуры. По мысли митрополита Иоанна (Зизиуласа), первенство, как и синодальность, существуют по божественному установлению (*jure divino*)

и относятся к природе (*esse*) Церкви, а не к внешней стороне ее существования. Для Зизиуласа первенство на всех уровнях церковного устройства является «экклезиологически, то есть догматически, необходимым»². Эта мысль повторяется и в недавнем исследовании совместной православно-католической рабочей группы во имя св. Ириней Лионского «Служение общению», где отмечается, что «первенство и соборность — не факультативные формы церковного управления, они принадлежат самой природе Церкви».

Другой подход к объяснению происхождения идеи первенства в Церкви ведет через новозаветную христологию. Ключевой аргумент заимствуется в данном случае из Послания апостола Павла к Колоссянам (Кол. 1, 18), где говорится о том, что Христу подобает быть во всем первенствующим. На основании этих слов делают вывод, как, например, в том же Кьетском документе, что «в Церкви первенство принадлежит ее Главе — Иисусу Христу».

Вместе с тем Сам Господь, увещая Своих учеников не искать первенства и превосходства друг перед другом, выставлял в качестве примера подобных стремлений «языческих князей» и «языческих царей». Обычно данному указанию не придают особого значения, но ведь Христос явным образом отсылает здесь к каким-то известным реалиям того времени. К их числу относится, например, титул «благодетель»: имеющие власть над народами *благодетелями называются* (Лк. 22, 25), который хорошо засвидетельствован как в древневосточной политической культуре, так и в общественной жизни греческих полисов. Таким образом, в самом Евангелии указание на первенство — а ведь Господь так и говорит: *кто хочет между вами быть первым...* (Мф. 20, 27) — вводится наряду с упоминанием политических институтов I века. И действительно, если мы обратимся к источникам данного периода, мы с легкостью обнаружим присутствие понятия первенства в общественно-политической жизни Римской империи.

Первенство как дохристианский общественно-политический институт

Элий Аристид, греческий ритор II века н. э., говорил, что раньше все войны вспыхивали

из-за «споров о власти и первенстве» (Or. 14, 216). Задолго до того Демосфен, оратор и афинский политический деятель IV века до н. э., отмечал, что «наше отечество (то есть Афины. — *Примеч. авт.*) всегда борется за первенство, за честь и славу» (Or. 18, 66). В другой своей речи он называл Афины «городом, который до сих пор стоял во главе греков и имел первенство» (Or. 10, 74). Так же и спартанцы, по сообщению Страбона (I век н. э.), «постоянно боролись за первенство с остальными греками и с македонскими царями» (Geographica 8, 5, 5).

В древних памятниках мы фиксируем разные степени притязаний видных и влиятельных полисов на первенство. Какие-то города претендовали на статус первых в той или иной провинции или даже группе провинций, какие-то провозглашали себя «первыми в Ионии» или «первыми в Греции», а иные и вовсе «первыми среди всех». В ситуации существования множества полисных союзов с развитой системой внутрисоюзного взаимодействия наиболее важное применение первенство приобретало именно на этом региональном уровне. Доступные источники позволяют нам предположить, в чем оно могло заключаться в интересующее нас время, то есть в первые века христианской эры.

В науке не раз высказывалась гипотеза, что в рамках греческих областных союзов существовала система почетных иерархий городов, и понятие первенства использовалось для обозначения первого места в этой иерархии. Города, имевшие такой статус, вносили в свою титулатуру указание «первый в таком-то союзе». Важно отметить при этом, что почетный статус первого города не был тождественен статусу митрополии или неокории (то есть города, в котором находилось областное святилище), поскольку указание на первенство следовало в титулатуре городов наряду с титулами митрополии, неокории и прочими почетными именованьями. Отсюда мы можем заключить, что первенство отражало привилегии иного рода, нежели административное или религиозное лидерство.

Самое известное свидетельство, помогающее пролить свет на то, в чем могло выражаться обладание первенством, находится в 38-й речи ритора и философа Диона Хризостома, жив-

шего во второй половине I – начале II века н. э. В этой речи, посвященной конкуренции городов Никоидии и Никеи за первенство в провинции Вифиния, оратор напоминает слушателям о схожем противостоянии Афин и Спарты. По этому поводу он иронизирует: «Вы ведь не думаете сейчас, что они (то есть Афины и Спарта. — *Примеч. авт.*) истово боролись за возглавление праздничного шествия?» (Or. 38, 38). На основании этих слов заключают, что обладание первенством подразумевало право возглавления региональных праздничных церемоний или, шире, всех общественных мероприятий областного союза. Как пишет современная исследовательница: «Титул первого, кажется, был просто “почетным” титулом в полном смысле этого слова: он не выражал ничего иного, как только обладание первым местом (*préséance*) в том этикете, который регулировал собрания койнона»³. Иными словами, первенство проявлялось не во властных, а в церемониальных привилегиях.

Следует обратить внимание еще и на то, что нам известен далеко не единственный случай длительной конкуренции сразу нескольких городов за первенство в одном и том же регионе. Сама возможность подобных коллизий вскрывала неабсолютность и зыбкость почетных иерархий и их зависимость от переменных факторов, которые побуждали лидирующие города постоянно упрочивать свое положение с оглядкой на основных конкурентов. Поэтому исследователи резонно полагают, что борьба за первенство могла быть составной частью греческой агонистической культуры, которая включала в себя не только военно-политическое соперничество, но и соревнование в спорте, искусствах и многом другом.

Со временем архаичная традиция притязаний на первенство стала вызывать критику, наглядным примером чего является уже цитированная 38-я речь Диона Хризостома. Ритор предлагал иначе взглянуть на соперничество Афин и Спарты, предметом которого, как он объясняет, были вовсе не ничемные церемониальные привилегии, а «реальная власть». Поэтому и своих сограждан Дион призывал бороться за политическое влияние в регионе, а не за почетный, но пустой титул, обладание которым не делает никого «ни богаче, ни больше, ни

могущественнее». Состязания за такое первенство он сравнивает со стремлением к «ложной славе» и к овладению «бесмысленной вещью» (Ог. 38, 29).

Такого рода оценки могли иметь одно очень веское основание. В рассматриваемое время все эти территории давно уже находились под римским владычеством, и политическая власть была в руках иноземной администрации. Поэтому в другой своей речи Дион с печалью отмечал, что греческие города враждуют «за тень осла», в то время как «предстояние и власть принадлежат другим» (Ог. 34, 48), то есть римлянам.

Действительно, римлянам должно было быть глубоко непонятным сопротивление греческих городов за почетные титулы, которые невозможно было конвертировать в осязаемую политическую выгоду. Об этом свидетельствует все тот же Дион Христом, говоря: «Подобные [именования], которыми вы так величаетесь, вызывают презрение у всех мыслящих прагматично, а у римлян и вовсе производят смех и именуется, что особенно обидно, греческими нелепостями» (Ог. 38, 38). Но на самом деле римские власти не только поощряли «греческие нелепости» (Ἑλληνικά ἀμαρτήματα), но и успешно использовали межполисную конкуренцию в собственных целях, наделяя почетными титулами те или иные подвластные им города в награду за преданность и услужливость. Со временем применение принципа первенства в иерархии городов было ими же самими упорядочено и распространено на большей части территорий Римской империи.

Но главное, что регулирование городских статусов на подначальных землях перешло к римским императорам и сенату, которые сами стали определять, какими титулами будет именоваться тот или иной город, пресекая всякий произвол, царивший в прежние времена. Все иерархии в империи отстраивались от фигуры римского принцепса и были проекциями его первенства и величия. Соответственно, отстаивание прав и привилегий городов осуществлялось теперь не на региональных съездах или путем вооруженных столкновений, как было раньше, а перед лицом божественных кесарей в римской столице и императорских резиденциях. Таким образом, греческое понимание первенства приобрело дополнительное рискованное

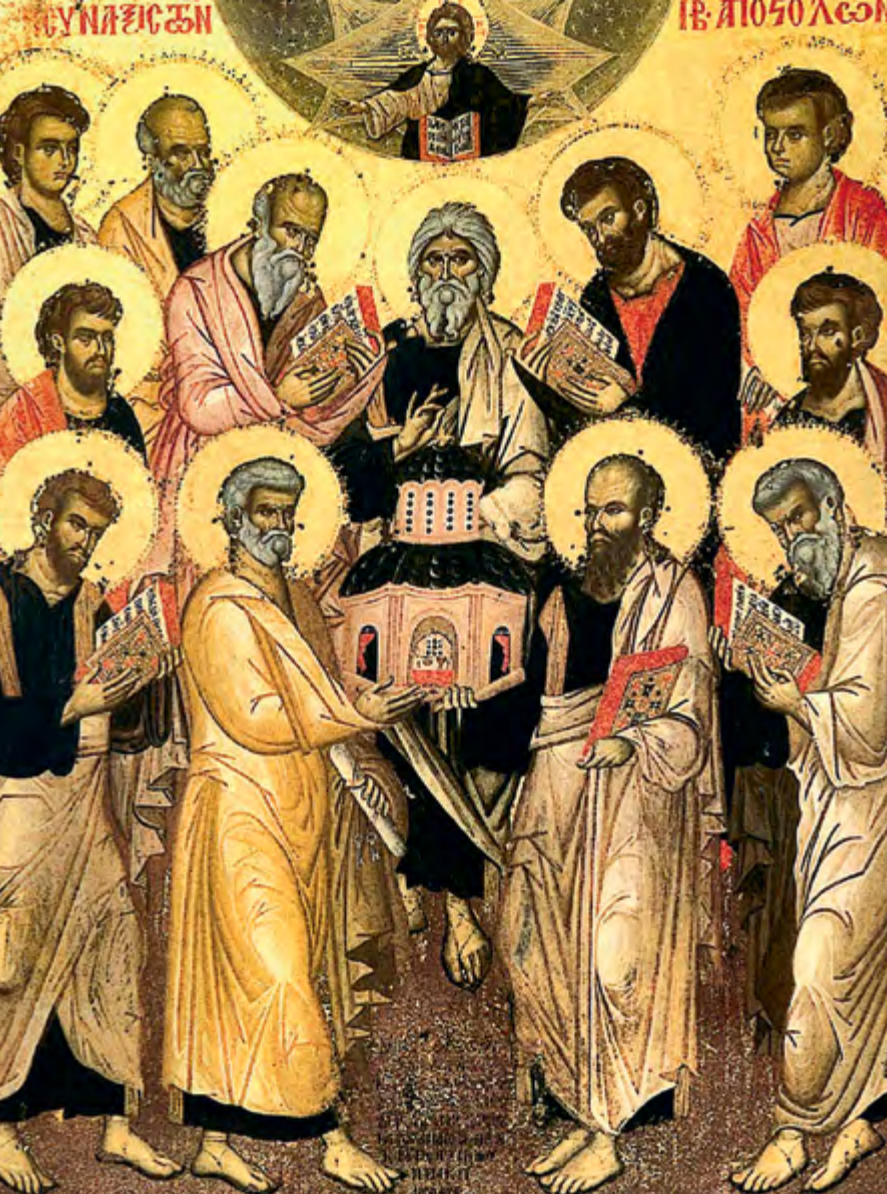
Понятие первенства: Истоки и контексты: Коллективная монография / Отв. ред.: П. В. Ермилов, М. В. Грацианский. М.: Изд-во ПСТГУ, 2022. 640 с.

Коллективная монография, вышедшая в издательстве ПСТГУ, посвящена комплексному изучению происхождения понятия первенства и сфер его употребления. Исследование ведется методами исторического, филологического, богословского, юридического и церковно-правового анализа. Авторы раскрывают античное происхождение понятия первенства, описывают последующее его бытование на протяжении Средних веков, Нового и отчасти Новейшего времени. Особое внимание уделяется современным церковным дискуссиям вокруг темы первенства.

измерение. Если раньше города и их представители первенствовали друг перед другом, то теперь они стали еще и первенствовать перед особой императора, оказываясь к нему ближе, чем прочие. Данный порядок не претерпел радикального изменения и по мере христианизации империи.

Первенство в политической культуре христианской Римской империи

Существование аналогии между римскими гражданскими и общественными институтами и институтами церковными, как кажется, не нуждается в обосновании. Церковь была глубоко интегрирована в имперскую политическую систему, а потому политические процессы непосредственным образом преломлялись в церковной жизни. Несмотря на формирование устойчивой гражданско-административной структуры, она претерпевала разнообразные изменения на местах: императоры продолжали корректировать границы областей, учреждать

*Собор святых
славных
и всехвалных
двенадцати
апостолов
Христовых*

новые города, повышать или понижать по собственному усмотрению положение уже существующих полисов, что неизбежно сказывалось на их региональном значении. Город мог получить статус царской резиденции, областной митрополии или быть поощренным каким-то почетным титулом, а мог быть лишен не только всех прежних привилегий, но и самого статуса города. Такие изменения имели прямые общественно-политические последствия и побуждали Церковь подстраивать под них собственные структуры. Иногда это приводило к разного рода коллизиям, которые приходилось решать совместными усилиями.

Понятие первенства было органичным элементом этого общественно-политического контекста. В нем оно приобрело свое техническое значение, и именно в этом значении первенство вошло в жизнь христианской Церкви, сохранив свои нецерковные смыслы, укорененные в имперской традиции иерархизма. В цер-

ковных реалиях первенство, похоже, не имело такого же значения, которое ему уделялось в политической жизни. Церковь вообще не занималась регулированием статуса первенства, оставляя данный вопрос в сфере компетенции гражданской власти.

Поскольку в ходе административных реформ II–III веков политическое первенство было закреплено за городами, имевшими статус провинциальных митрополий, то по тому же самому принципу определялись и первенствующие епископские кафедры в провинциях, ярким подтверждением чему является определение Туринского собора 398 года, говорящее: «Тот, кто докажет, что его город является митрополией, да получит честь первенства во всей провинции, и он да имеет власть рукоположения, согласно предписаниям канонов»⁴. Также и в 9-м правиле Антиохийского собора 341 года понятие первого епископа провинции, введенное ранее составителями 34-го апостольского правила, было заменено понятием «епископа, предстоящего в митрополии», что также могло объясняться тем, что к тому времени областное первенство принадлежало городам-митрополиям. Есть позднее свидетельство историка Прокопия Кесарийского о том, что словом «митрополия» «romeи называют первый город этноса» (De aedificiis V. 4, 18).

Наряду с внутрипровинциальной иерархией городов в Римской империи существовало представление о некоем общеимперском ранжировании «величайших городов». Во главе этой иерархии стоял Рим, затем следовали «царские города», бывшие некогда столицами великих царств, такие как Александрия и Антиохия, затем императорские резиденции, провинциальные митрополии и города, отмеченные особыми императорскими пожалованиями. На фоне бесспорного политического главенства Рима церковное первенство римской кафедры долгое время не нуждалось в обосновании и тем более в защите. Однако после учреждения и постепенного возвышения новой столицы империи — Константинополя возникает необходимость декларировать первенство Ветхого Рима.

Константин лично наделил новую столицу Константинополь особыми преимуществами

ми (πρεσβεῖα) наравне с Римом (Sozomenus. *Historia ecclesiastica* 2, 34, 2). Вслед за этим город был возвышен и в церковном плане, а его епископ получил на Константинопольском Соборе 381 года «старейшинство чести после римского епископа». Соотношение столичных кафедр было окончательно определено на Халкидонском Соборе в 451 году. Собор подтвердил их «равные преимущества» (ἴσα πρεσβεῖα), но уделил константинопольской кафедре второе место после римской. Таким образом, почетное положение епископской кафедры новой столицы в точности соответствовало ее политическому положению, которое она получила на основании императорских распоряжений.

Что касается наполнения понятия первенства, то как в политическом, так и церковном контексте оно не могло нести в себе ничего иного, кроме церемониальных привилегий, притом до конца не понятно, в каких ситуациях обладание первенством имело большее значение: в церковных церемониях или в гражданских с участием императора. То, что понятие первенства не несло в себе указания на властное превосходство, ясно следует из актов Халкидонского Собора. В них несколько раз подчеркивалось, что оба города «пользуются равными преимуществами», а потому и их епископские престолы должны также иметь «равные» или «одни и те же преимущества чести» (τῶν ἴσων πρεσβεῖων... τῶν αὐτῶν πρεσβεῖων τῆς τιμῆς). Но поскольку политическое первенство оставалось за Римом, то и на Соборе было специально проговорено, что «первенство и исключительная честь (τὰ πρωτεῖα καὶ τὴν ἐξαιρέτων τιμῆν), согласно канонам, сохраняется за боголюбнейшим архиепископом Старшего Рима» (ACO 2, 1, 3. P. 98). Тем самым почетное первенство Рима вполне согласовывалось с равенством властных преимуществ двух столичных кафедр, а понятия первенства (πρωτεῖα) и преимущества (πρεσβεῖα) использовались для описания разных типов отношений.

Провозглашение на Вселенском Соборе первенства древней столицы устами гражданских чиновников было важно с точки зрения римской имперской традиции. Несмотря на вселенские претензии, свойственные римской политической идеологии, реальное, а не абстрактное наполнение все почетные статусы могли иметь

только в границах империи. Поэтому если задаться вопросом о том, перед кем римский престол имел «первенство и исключительную честь», то, как кажется, со всеми необходимыми оговорками можно провести аналогию с тем, что мы знаем о провинциальном первенстве. Если, например, никейская кафедра, имевшая почетное второе место в провинции Вифиния, предпочиталась по чести «перед прочими епископскими кафедрами провинции», то и римский престол, и тем более державший такое же, как и у никейской кафедры, второе место константинопольский престол должны были предпочитаться перед прочими епископскими кафедрами всей империи, как это и выражено в 131-й новелле императора Юстиниана: «...предпочитаться перед всеми остальными» (τῶν δὲ ἄλλων πάντων προτιμᾶσθαι; Nov. 131, 2). Гипотетическое же признание вселенского церковного первенства этих кафедр означало бы не что иное, как исповедание всемирного политического господства Римской империи, поскольку одного без другого быть не может.

Со временем общественно-политические корни института первенства и его связь с фигурой римского императора стали теряться из виду, а длительное соперничество двух столичных церковных кафедр привело к тому, что обладание первенствующим положением стало истолковываться как превосходство власти и даже как предстояние в масштабах всей Церкви. Византийские авторы, полемизировавшие с претензиями Рима, пытались апеллировать к связи церковного первенства с имперскими институтами, но сами при этом имели весьма смутное представление о первенстве и его происхождении. Из некогда почетного статуса, сопряженного с не вполне очерченными церемониальными преимуществами, первенство превратилось в их глазах во властное господство. Непосредственную роль в этом сыграло становление римоцентричной эклезиологии с присущим ей восприятием первенства римского престола, последовательно развивавшимся папами уже с V века.

Закономерным итогом этого пути стало отождествление политического принципа первенства с богоустановленным догматическим главенством в Церкви. В конце XVI века кардинал Роберт Беллармин мог уже говорить:

«Ведь и [наши] противники признают, что двумя этими словами “главенство” и “первенство” обозначается высшая власть в Церкви»⁵. В ответ на подобные декларации православные полемисты XVI–XVII веков начали дистанцироваться от идеи универсального первенства в Церкви и опровергать саму возможность истолкования этой категории во властном смысле. Характерно, что в их работах встречаются отсылки к языческому происхождению идеи первенства, что можно считать условной точкой возврата к осознанию дохристианских корней данного понятия.

Впрочем, несмотря на попытки многих греческих авторов периода турецкого владычества показать, что в каноническом праве понятие первенства используется только на областном уровне для описания прав архиепископа, в Православной Церкви возобладало представление о существовании и общецерковного первенства, принадлежащего Константинопольскому престолу. Со временем такое понимание роли первенствующей кафедры только усилилось, обросло новыми смыслами и теперь воспринимается как некая священная церковная традиция, которую нужно с благоговением оберегать. На самом же деле в подобном представлении можно усмотреть реконструкцию сильно искаженной архаичной имперской культуры с дохристианскими корнями. В существенно изменившихся политических реалиях сохранение церковно-государственных моделей, восходящих к традиции Римской империи, может восприниматься только как претензия на обладание политическим наследием империи после ее гибели. В таком случае представление о первенстве в Церкви епископа, занимающего престол бывшей имперской столицы, уместно ставить в один ряд с другими концепциями, выражающими претензии на преемство с римской государственностью, и прежде всего с идеей Москвы Третьего Рима. Типологически обе концепции оказываются совершенно однородными. И если мы сейчас не воспринимаем буквально концепцию Москвы Третьего Рима, то можно задать вопросом, во имя чего мы оберегаем другие идеологемы, связанные с наследием несуществующей Римской империи.

Принцип первенства/старшинства в международных отношениях

В то время как православное сознание пошло по пути консервации модели церковного первенства, сформировавшейся в имперский период, сама политическая культура, породившая данный институт, пережила значительные изменения при переходе от Средневековья к Новому времени. Единое политическое пространство со сложившейся системой гражданских и церковных первенств распалось, и множество новых государств, появившихся на прежних территориях империи, стали выстраивать собственные общественно-политические и церковные иерархии, которые со временем уже не могли быть органично согласованы друг с другом. Возникли и разные принципы построения политических иерархий. Кто-то обосновывал свое политическое первенство санкцией со стороны Римского престола, какие-то правители выводили свое первенство из мифических генеалогий, доказывая преемство с древними царями. Титулы одних правителей не признавались другими, одно и то же государство могло занимать разное положение при разных дворах, а политическая дискриминация стала рутинной составляющей межгосударственных и дипломатических отношений. Любые встречи, предполагавшие участие представителей разных стран, были обречены на череду затяжных протокольных споров, выливавшихся в открытые конфликты. Даже простое определение мест рассадки участников становилось полем битвы, шантажа и политических ультиматумов. В какой-то момент проведение многосторонних международных мероприятий зашло в окончательный тупик, и государствам пришлось искать выход из сложившейся ситуации. Обычно прорыв в этом направлении связывают с решением Венского конгресса 1815 года.

Как известно, на этой международной конференции было принято «Положение относительно дипломатических агентов», которое стало итогом обсуждения проблемы преемства в дипломатических отношениях. Первоначальный проект состоял в том, чтобы разработать систему классификации государств по степени их политического влияния, так чтобы ранг посланников определялся рангом державы, которую они представляют. По

этой же модели можно было бы определять председателя и порядок рассадки участников на заседаниях с международным участием. Но от идеи ранжирования государств пришлось быстро отказаться. Взамен была предложена нейтральная система ранжирования дипломатических агентов, призванная «предупредить затруднения и неприятности, кои часто встречались и могли бы впредь еще возникнуть от требований разных дипломатических агентов на заседание (préséance)»⁶. Принятое положение вводило понятную классификацию дипломатических представителей, одинаковые правила их приема, соотношение дипломатических агентов между собой исключительно по порядку их прибытия ко двору и аннулирование любых иных преимуществ и, наконец, определение очередности подписания международных актов при помощи жребия. Великие державы, предложившие данный проект, вовсе не отказывались от существования иерархии государств, и сам Венский конгресс проводился на началах принципиального неравенства его участников. Но в основу проекта была положена идея создания внеиерархического пространства, открывающего возможности для международного сотрудничества. Вопросы иерархии были вынесены за рамки дипломатического протокола, и теперь соперничество государств предлагалось вести на другом уровне. Оно не должно было больше препятствовать организации нормального взаимодействия и принятию необходимых решений. Данный подход заложил основу дальнейшему развитию системы международных отношений, приведшему впоследствии к принятию Устава Организации Объединенных Наций, заключению Венской конвенции о дипломатических сношениях и разработке принципов работы разных международных организаций, что сделало наконец возможным осуществление многостороннего межгосударственного взаимодействия, несмотря на сохраняющиеся конфликты и лежащий в их основе политический антагонизм. Тем

самым фундаментом современной системы международных отношений стал формальный отказ от принципа политического первенства в пользу начал равноправия и взаимности. И на этом фоне становится особенно показательной неудача попыток выстроить в XX веке систему межправославного сотрудничества путем признания первенства одной из Церквей.

В исторической перспективе именно политические реалии оказали влияние на вхождение понятия первенства в церковный контекст. Некоторое время системы политического и церковного первенства органично сосуществовали в рамках Римской империи, но с определенного момента эта связь распалась, и обе системы стали эволюционировать в разных направлениях. Сейчас они разошлись настолько, что уже не могут быть согласованы друг с другом. Напротив, межгосударственные отношения, строящиеся на нормах международного права, давно регулируются без единоличного политического первенства (разумеется, при наличии очевидного политического лидерства). Представители Православных Церквей, напротив, все еще пытаются встроить в давно изменившийся политический контекст архаичный институт единоличного универсального первенства, надеясь преодолеть его издержки путем надлежащего истолкования или создания системы ограничений его применению. Но логика исторических процессов, как кажется, ведет в другом направлении — по пути приведения системы межцерковных отношений в согласие с общепринятыми и опробованными политическими моделями межгосударственных отношений. Можно предположить, что в ходе выстраивания реального и действенного межцерковного взаимодействия представление о вселенском первенстве Константинопольского престола будет вынесено за рамки как антиисторическое. В более широкой перспективе его может ожидать та же участь, что и политическую концепцию Москвы Третьего Рима, — достойное и почетное место в истории христианской Церкви.

¹ В основу статьи положено выступление на конференции «Мировое Православие: первенство и соборность в свете православного вероучения», прошедшей 16–17 сентября 2021 года в Сергиевском зале кафедрального соборного Храма Христа Спасителя в Москве. Текст публикуется в сокращении.

² Zizioulas J. D. *The One and the Many: Studies on God, Man, the Church, and the World Today* / Ed. by G. Edwards. Alhambra, CA: Sebastian Press, 2010. P. 284.

³ Heller A. "Les bêtises des Grecs". *Conflits et rivalités entre cités d'Asie et de Bithynie à l'époque romaine (129 a.C. – 235 p.C.)*. Bordeaux: Ausonius, 2006. P. 313.

⁴ Цит. по: Норкин К. В. Становление церковного первенства Арля в Галлии и Римские папы (398 – 432 гг.) // *Византийский временник*. 2019. Т. 103. С. 56.

⁵ Roberti Bellarmini opera omnia. Paris, 1870. Т. 1. P. 525.

⁶ *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами* / Сост. Ф. Мартенс. СПб., 1876. Т. 3. С. 531.